

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

DOI 10.35775/PSI.2026.128.4.001

УДК 32

Д.Е. СЛИЗОВСКИЙ

доктор исторических наук,
профессор Российского университета дружбы народов
им. Патриса Лумумбы, Россия, г. Москва
E-mail: de373@mail.ru

ИДЕНТИЧНОСТЬ ДЛЯ РОССИИ И РОССИЯН: НОВОЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ

В статье обсуждаем вопросы и проблемы, содержание и смыслы не только перехода от концепта (а) «долгое государство» к концепту (б) «Россия как государство-цивилизация». Предлагаем версию того, чем этот интеллектуальный и полемический марафон «дышит» и чем может завершиться в ближайшей и среднесрочной перспективе. По итогам исследования поставлен вопрос о допустимости в политическом дискурсе термина «Россия как долгое государство-цивилизация». Хотя в публичном дискурсе и академической литературе пока нет заявленного нами устойчивого термина, однако логика симбиоза двух концептов, которую мы обсуждаем, подталкивает к его появлению. К анализу привлечен критический разбор данных искусственного интеллекта (ИИ), обзоры профильных статей, опубликованных в академических отечественных и зарубежных журналах. Смена акцента с концепта «долгое государство» на концепт «Россия как государство-цивилизация» описывается и анализируется не как простое терминологическое обновление, а как фундаментальный сдвиг в системе идентификации, позволивший актуализировать и легитимизировать враждебные друг к другу разные типы идентичностей, даже вышедших из одного лона. Показано, что современные и постмодерновые общества подвергают сомнению универсальность идей и практик умеренных вариантов межцивилизационного и межгосударственного конструктивизма. Историческое наследие долгого государства или государства-цивилизации, тем паче «долгого государства-цивилизации», как динамически-устойчивую систему, отстаивающую и отстаивающую свое право на суверенность и самобытность не корректно рассматривать не существенным фактором современной идентичности. В заключении представлен путь схематичного восхождения полемики и дискуссии от описания политической формы к ее ценностному наполнению и обратно – к новой целостности.

Ключевые слова: идентичность, современные общества, концепции, долгое государство, государство-цивилизация, евразийское государство-цивилизация.

1. Идентичность как новая актуальность. Вопросы и проблемы формирования национальной, государственной и цивилизационной идентичности не только для России и россиян, но и для стран, политической элиты, граждан

во всех странах мира были и остаются важнейшими и актуальными [5; 18; 36; 42]. Это доминирующее мнение, когда в зоне проблемного поля идентичности оказываются теоретико-методологические подходы, агенты и субъекты, разнообразные формы и типы ее проявления и интерпретации, локальная, макрорегиональная и глобальная идентичность, инструментарий измерения идентичности. Казалось бы, есть простор, куда и как развивать это самое проблемное поле рефлексии. Но, увы, на этом же поле проблемности навязчиво и упорно уже много лет из уст в уста передается одна и та же мысль, что проблема идентичности – это глобальный вызов современности [8; 16], а дискуссии на эту тему остаются крайне острыми для всех без исключения. При этом заметно, для одной группы исследователей, какая-то робость поднять и разобрать вопросы и проблемы идентичности до уровня текущей и ожидаемой очевидной радикализации напряжения в идентификации и самоидентификации. Для другой группы – идентичность стал инструментом и политикой, лишенных малейших признаков табуирования, напроць их мысли покинула сдержанность, ответственность. Есть и то состояние в вариативности подходов к проблемам идентичности в дискуссиях и полемике чтобы не подниматься выше, кроме как признать в очередной раз – понятие идентичности остается еще недостаточно проясненными даже с научных исторических и социально-политологических позиций [31]. Вряд ли это обстоятельство можно рассматривать оправданием и одного, и другого, и третьего состояния с идентичностью, ее проявлениями во всех сферах жизни и их восприятием в анализе.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области: генезис и эволюция общероссийской гражданской идентичности [2; 9; 17; 26; 28; 29; 30; 32]; особенности цивилизационного подхода по укреплению единства российской нации [1; 7; 20; 21; 14; 35]; государственная политика по формированию российской идентичности в условиях современных вызовов [27; 33; 22].

Однако проблему формирования национальной, государственной и цивилизационной идентичности нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Определимся в границах означенной нами темы, что может быть и есть уже или еще недостаточно ясным или даже ошибочным в толковании идентичности и какой перечень вопросов и проблем определяет новую актуальность идентичности.

Во-первых, попробуем связать новую актуальность идентичности с субъектностью, признав, что не идентичность определяет субъектность, а наоборот – субъекты. А связав эти два паттерна, в российской современной картине идентичности окажется нет более актуальной темы и проблемы, чем та, что позволила бы объяснить, как субъекты, которые должны бы идентифицировать себя по своему природному коду одним маркером, но обрели новую

идентичность, противоположную самим себе – русские стали заклетыми нерусскими. Проблема из проблем для России и россиян в идентичности это объяснить и понять, как русские на (в) Украине стали идентифицировать себя нерусскими. И объяснение этому явлению, что причины в начале СВО для большинства россиян не убедительны. И тогда не есть ли эта проблема из проблем новой локальной и одновременно экзистенциальной актуальностью идентичности? Тут недостаточно опираться на ролевую концепцию, объясняющей, что человек принимает на себя те или иные роли, в зависимости от того, что от него требуется в данный момент. Как и ссылки на то, что в ролевое поведение вмешивается политика и борьба за власть, где роли выступают способом разъединения людей. Пока ясно одно – случаи манипулирования сознанием человека, этноса, нации приводят к необратимым последствиям. Но этой ясности пока мало, чтобы объяснить и понять единство и разнообразие в пересечении ситуативного и долгого цивилизационного содержания идентичности.

Во-вторых, еще одно важное замечание для понимания, что есть идентичность как актуальная новизна. Работая по сопоставлению характеристик (паттернов) десятков цивилизаций, многие авторы почему-то не включают в сопоставительный анализ Россию как государство-цивилизацию. Тем более как евразийскую цивилизацию. Такой подход позволяет им продвигать идеи умеренных вариантов межцивилизационного и межгосударственного конструктивизма. Для такого подхода характерно утверждение, что современные общества опираются в большей мере на основания мирного сотрудничества между государствами, нациями и цивилизациями. Историческое наследие как долгого государства или государства-цивилизации, тем паче «долгого государства-цивилизации» как динамически-устойчивой системы, отстоявшей и отстаивающей свое право на суверенность и самобытность, в их представлениях есть лишь один (не существенный!!) из факторов идентичности. Методологическая упрощенность или даже ошибочность такой версии рефлексии совсем не исключена

В-третьих, верным ли путем идет наполнение смыслами новой актуальной идентичности, если признать, что важнейшим, если не единственным надежным инструментом интеллектуального разрешения означенных проблем остается рефлексия, политический и общественный диспут о смыслах и значении двух концептов: (а) долгого государство от Ивана III до современности и (б) Россия как государство-цивилизация.

Новая актуальность для русских, россиян в том, что идентичность перестала быть абстрактным понятием и стала вопросом физического, культурного, цивилизационного выживания. Она оказалась не просто ярлыком, а фактором, способным объединить общество, государственную власть и привести к победе или расколоть общество и привести к трагедии. Для многих, но не всех теперь в России и кто на российской стороне становится ясно – формируется новая российская (русская!) гражданская идентичность, определяемая не языком, а политическим выбором. Поставленные нами вопросы и проблемы идентичности – открыты для дискуссии как новая актуальность. Что дальше?

2. Что уже учтено и что дальше предстоит учитывать? Не с чистого листа уже поставлены вопросы и озвучены проблемы, даны ответы, предлагаются сообразные характеру текущего момента решения. Проблемы идентичности можно решать посредством совершенствования государственной политики идентичности. Об этом убедительно пишет доктор политических наук, профессор, популярный политик эпохи В.Н. Ельцина Н. Медведев [26]. Эту же мысль с разных позиций и точек зрения подтверждают С. Караганов (о Караганове один иностранный блогер написал – «этот кремлевский советник – очень уважаемый человек») и П. Малютин, тоже очень известные за рубежом и в России эксперты и аналитики. Пр процитируем их: «Мы до конца не определили свою идентичность. В Концепции внешней политики мы, наконец, назвали давно очевидное: мы – государство-цивилизация» [11]. На острие полемики – неопределенная идентичность. Что дальше?

Разные зарубежные авторы, например, З. Бауман (1925-2017) [4], С. Хантингтон (1927-2008) [37] и другие, по-своему, но согласны с тем, что гуманитарная наука пока не дает исчерпывающих ответов на вопросы национальной, цивилизационной, идеологической идентичности, а поиск ответов на вопросы остается одним из самых сложных и захватывающих интеллектуальных приключений. Тут к месту будет замечание французского историка, социолога и политолога, доктора философии М. Ларюэль в контексте российского кейса: «Российский режим действительно предлагает идеологическую конструкцию, обладающую внутренней правдоподобностью и согласованностью – независимо от того, как оценивать ее содержание. Чтобы ее понять, необходимо внимательно и детально изучить, как используются и реализуются концепции, их место в идеологической структуре, предлагаемой режимом, их внутреннюю артикуляцию, эволюцию и тех, кто их продвигает» [40]. В потугах все же расшифровать значение идентичности для России и в России такие как М. Ларюэль, и другие из исследователей англосаксонской стереотипной школы мышления, находят нужным сказать о «неуверенной идентичности России» и использовании теории социальной идентичности для объяснения популярности В.В. Путина [41].

Российские методологи на передний план выносят «неоднозначность трактовки понятия» и «сложность измерения» идентичности, а ее «актуальность... была ярко продемонстрирована» в научных дискуссиях, таких как заседание Научного совета ООН РАН, прошедшее 10 февраля 2025 года [15]. Вот, примерно, с таким плюрализмом правдоподобных и неправдоподобных мнений и соображений, умственных и политических течений имеет дело гуманитарная наука и исследователи вопросов и проблем идентичности нации, государства, цивилизации.

Но нельзя исключать того, что у понятия идентичности большой исследовательский потенциал. И ученым следует разобраться, что такое «современная российская идентичность». И тогда в условиях и обстоятельствах возрождения в евроатлантическом сообществе по сути расистских идей и практик, реваншистской политики со стороны самых агрессивных по отношению к России сил

стоило бы определиться с тем, что собой представляет для россиян новая актуальность идентичности?

Мы исходим из предположения, что новая актуальность проблем идентичности обретает себя не только и не столько в сопоставлении государственной, национальной и государственно-цивилизационной идентичности. Опасным, недальновидным, даже, кажется, наивным трендом новой актуальности являются, на наш взгляд, соображения и мнения, в которых продвигается идея, что цивилизационная идентичность будто бы исключает крайности в отношениях между государствами, нациями и цивилизациями. Государственная и тем более цивилизационная идентичность будто бы несовместима с радикализацией в отношениях субъектов и акторов идентичности. История самости и самоутверждения России как долгого государства-цивилизации, свидетельства этого процесса должны бы поменять ошибочные представления насчет исторического фактора и мирного характера отношений в структуре идентичности. Но этот рефрен пока не стал доминирующим. Почему?

Касаясь России, можно уверенно говорить лишь о том, что процесс самоидентификации политической элиты, современных россиян — это динамика, которая сегодня задается извне и изнутри: переживанием и ощущением противостояния с «коллективным Западом» и событиями Специальной военной операции (СВО). На этом фоне стало отчетливо видно и понятно большинству российских граждан, кто искренне и честно идентифицирует себя убежденными патриотами, которых, кстати, русофобствующей западные исследователи и примкнувшие к ним антипатриоты-релоканты, понимают почему, идентифицируют как реакционеров России, возродившими авторитарную политическую систему [38]. На идеологическом и когнитивном уровнях с большей силой, чем прежде, людей стали делить на «мы» и «они», «свои» и «чужие, на территориях, составлявших четверть века назад одно 800-летнее государственное образование, а теперь разбросанных в разных государствах в моду вошли слова «поборимы» и «враги».

К сказанному следует обязательно добавить: во внешнем, и во внутреннем контуре процесса идентификации России наблюдать можно искажение фактов и сути происходящего из лести к прозападным фобиям и нарративам, либо из ненависти (русофобии) к России, россиянам, русским. Не будет преувеличением утверждение, даже специальная военная операция, называемая идейными противниками политического строя Российской Федерации «русско-украинская война», оставляет многое, описываемым в духе «новой реальности», неточным и противоречивым. Русофобской политике ЕС, его организациям и политикам вторят исследователи прозападного стиля мышления, которые в своих статьях стараются разоблачить нарративы Путина о том, что Россия является жертвой, а не агрессором [39].

В такой атмосфере пролонгация линии когнитивного восприятия каждым активным гражданином себя, своей страны и общества, кажется, отражает процесс самоидентификации России как страны-крепости. А будучи в границах этой модели самоидентификации, государственная политика идентичности

обозначает себя в действиях и практиках, как: а) консолидация вокруг флага, дней национальной памяти и гордости; б) гражданская идентичность над этнической; в) продвижение идей «особого пути» России и ее суверенной роли в многополярном мире. Но и при такой политике идентичности естественным может быть вопрос: верно ли тем самым схвачен и отражен момент текущего положения и, главное, насколько он оправдан для формирования стратегии будущего?

Не лишне подчеркнуть, если внимательней присмотреться, то обнаружим колоссальные интеллектуальные усилия по обновлению содержания, оснований и принципов политики идентичности. И можно было бы спокойно продолжать этот рефрен обновления и совершенствования. Но в многонациональной России распространен способ совмещения двух идентичностей: своей российской и своей этнической (например, «я – русский/татарин/башкир/чеченец, еврей и россиянин»). Этот «сдвоенный» тип идентичности обладает высоким консолидирующим потенциалом для поддержания межэтнического согласия. Но насколько его можно считать устойчивым и безупречным, не подверженным эрозии способом? Это тоже все же вопрос не риторический. В этом процессе и способе идентичности много изменчивой динамики, а значит явных и скрытых потенций разной направленности и разного целеполагания. При этом мало где наблюдается уход от «жестких» маркеров идентификации к культурным и духовным ее основаниям. А в риторике о «русском мире» все большее значение придается происхождению или этнической принадлежности человека. В качестве главных маркеров «русскости» все чаще выступают не только исторические корни, культура, язык и позитивные личностные качества, но и политический, идеологический выбор, религиозные православные ценности.

Остроты к актуальности затронутых вопросов придают государственные и медийные дискурсы, выполняющие роль мощного «навигатора» в процессе самоидентификации. Они предлагают готовые смыслы, образы героев и врагов, а также интерпретации прошлого, которые усваиваются обществом. В подобной ситуации можно было бы политическому классу, президенту страны взять на себя смелость и идентифицировать себя продолжателями побед и героических подвигов предков. Но тогда есть опасность не принять с должным вниманием ни долгой продолжительности войн, ни жертвенность россиян во имя самосохранения себя в этих войнах. Наконец не принять и не понять значения и роли в общественной и политической жизни всей сложности содержания «долгого государства» и «России как государства-цивилизации», концепций, принятых в качестве рабочих моделей идентификации. Эти два концепта сегодня и на будущее, как теперь можно видеть, определяют качественную сторону современной политики идентичности и самоидентификации. Но и это еще не вся сложность актуализации вопроса и проблемы идентичности.

Вполне резонно принимать и объяснять, что различия между принятыми на официальном и научном уровнях двух концепций: (а) «долгое государство Ивана III Великого и В.В. Путина» и (б) «Россия как государство-цивилизация», это процесс не терминологического обновления, а фундаментальный сдвиг

в исторически рожденной и эволюционирующей российской системе легитимации власти, тысячелетием сформированного самопонимания элитами и ее лидерами своей роли, способа и характера взаимодействия государственной власти, ее представителей с обществом, даже отдельным гражданином. «Сегодня мы переживаем четвертый период, период реинкарнации НОВОГО-СТАРОГО государства, его атрибутов (политического лидерства) и общества, культурных, ментальных свойств, территориальных пространств месторождения и местожительства с набором ключевых признаков, обнаруженных и во многом закреплённых историей и исторической памятью еще в той первой Руси-России Рюриковичей» [24]. Вот почему актуален вопрос об обновлении политики идентичности уже на основе нового термина «Россия как долгое государство-цивилизация». Хотя в публичном дискурсе и академической литературе пока нет такого устойчивого гибридного термина, однако логика симбиоза, который мы описываем, подталкивает к его появлению. И полноценному его объяснению.

3. Почему идентичность стала одной из главных проблем современности. Как мыслится и что предлагается? Объяснить саму суть идентичности как проблемы – не простая задача. В первом приближении, даже сужая поле исследования и анализа, не ускользнуть от того, чтобы показать ее актуальность в контексте глобализации, цифровизации, миграционных кризисов, упомянуть разные уровни идентичности (индивидуальная, коллективная, национальная, региональная, макрорегиональная, государственная, цивилизационная). Также важно затронуть идентичности как источник конфликтов и тревожности. Можно было бы, изучая идентичность, начать с тезиса о том, что идентичность перешла из статуса данности в статус проблемы, выделить ключевые факторы этого процесса: размывание традиционных структур, гибридные идентичности, политизация идентичности, влияние соцсетей. И конечно же актуально показать двойственную природу идентичности как ресурса и вызова. Итак, проблема идентичности сегодня действительно стоит в центре многих социальных, идеологических, политических, культурных, медийно-пропагандистских дискуссий. Ее актуальность связана с тем, что традиционные механизмы формирования «кто я такой» перестали работать так же надежно, как раньше.

Среди ключевых аспектов, почему идентичность стала одной из главных проблем современности, можно указать на следующие:

- кризис национальной идентичности. Национальные государства теряют суверенитет (частично передавая его наднациональным структурам или корпорациям). Отсюда проблема. Возникает вакуум, что значит «быть русским, россиянином, белорусом, украинцем, поляком, армянином, французом» в мире, где экономика глобальна, а границы для одних прозрачны, а для других препятствие? Это выливается в попытки, с одной стороны, искусственной архаизации (искать чистоту в прошлом), с другой – игнорирования прошлого как основы настоящего и будущего, что питает популизм и этнонационализм и в одном, и в другом случаях. Такая дихотомия создает благоприятные условия, чтобы тут же, одновременно возникала не помнящая родства «космополитичная элита»,

чья идентичность (глобальный менеджер) делает их оторванными от прошлого и будущего и ... от народа;

- идентичность стала товаром. Политтехнологи и маркетологи делят людей на целевые аудитории по полу, расе, интересам. Алгоритмы соцсетей специально подсовывают вам радикальный контент («Ты возмущен? Значит, ты – хороший либерал/консерватор»). Идентичность превращается в перформанс (быть «достаточно правильным»). Люди начинают играть роль, а не быть собой. Это порождает синдром самозванца и хроническое чувство, что ты «неправильно» идентифицируешь себя;

- идентичность перестала быть основанием для спокойной жизни и стала задачей. Человек, этнос, нация, народ, государство должны постоянно подтверждать свою идентичность (действиями, потреблением, постами). Защищать ее от размывания. Выдерживать внутреннее противоречие (я могу быть одновременно патриотом и критиком своего государства, но общество требует однозначности).

Обсуждая и рассуждая в таких терминах, кажется, только ученые уяснили одно очень важное для себя, но не для всех знание. Они обнаружили хотя бы чуточку сути проблемы. Она в том, что идентичность перешла из категории «данности» (традиция) в категорию «проекта» (модерн), а затем в категорию «кризиса» (постмодерн). Люди при этом часто не знают, кто они, тратят огромные ресурсы на поиск ответа и конфликтуют с теми, кто ищет и находит другой ответ. Но и этот рефрен оказался почти самообманом. Многое возвращается, вернулось или еще вернется на круги свои.

Снова и снова можно наблюдать заявления типа того, что острый, очевидный и актуальный вопрос, уходящий глубоко в историю как ментально-когнитивная проблема для всех народов и государств, это всего лишь самоидентификация себя или способ идентификации. Но даже в таком формате самоидентификация является экзистенциальной опорой наций и государств, удовлетворяя фундаментальную человеческую потребность в примирении прошлого, настоящего и будущего. Не случайно само собой разумеющимся, хлестким, провокационным стало утверждение: «мы носим очки с диоптриями прошлого, потому что без них вообще ничего не видим». И здесь же, в ответ:

*Наше прошлое нас
поцелуями лечит,
Все прощает, все помнит,
и помня, молчит.
Назначать не спешит
год и место для встречи.
И прощаясь как будто,
уходить не спешит [34].*

Если мы грубо не искажаем реалии текущего положения в политическом дискурсе по части отношений к историческим аналогиям, то актуально объяснить

и по возможности понять, с чем мы все сталкиваемся в процессе самоидентификации? Неужели то, что в обиходе, это и есть релевантный диагноз современного политического дискурса по части идентификации? И не потому ли идентичность не устраняется от того, чтобы, хотя бы порой, служить когнитивным защитным механизмом против тревоги, связанной с глобальными изменениями, помогая группам определять свои уникальные ценности, границы и судьбу через призму истории. Но проблема самоидентификации сохраняется, поскольку обществам приходится постоянно балансировать между своим уникальным, традиционным наследием и гомогенизирующими силами современной глобализации.

Не стоит скрывать, для России и российского общества самоидентификация – корневая проблема идентичности. Еще Колумб русской истории Н.М. Карамзин знал этому суть и значение, считая нужным напоминать: «Пусть греки, римляне пленяют воображение: они принадлежат к семейству рода человеческого и нам не чужие по своим добродетелям и слабостям, славе и бедствиям: но имя русское имеет для нас особенную прелесть; сердце мое еще сильнее бьется за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сципиона» [13]. Великое значение идентичности очевидно. Другое дело, что роль и значение идентификации себя меняется. В современном контексте речь идет не только об усилиях объяснить себе, кто мы есть, но и еще больше об усилиях над собой и нужности что-то сделать с собой.

Соглашаясь в основном с этим мнением, делаем попытку дополнить его, добавить кое-что свое. И предлагаем рассматривать проблему идентичности через призму дешифровки и симбиоза двух концептов: (а) долгое государство от Ивана III до В.В. Путина (Т. Сергейцев, Д. Куликов, П. Мостовой, С. Караганов) и б) Россия как государство-цивилизация (В.В. Путин, В. Багдасарян, А. Дугин, В. Мединский, М. Мчедлова и др.). Если мы верно схватываем проблематику и содержание этого процесса, то логично в этой связи задаться вопросами.

а) насколько неотвратимым и должным в современном российском политическом дискурсе, в политической философии и в исторической науке может быть симбиоз этих концептов как научный инструментальный формирования российской идентичности;

б) если признаем важной и нужной эту проблему, то какие результаты научного и публичного обсуждения ее можно уже видеть, в чем они конкретно предстают и выражаются?

Насколько эта конструкция вопросов и ответов на них логична, идеологически и прогностически выверена, это тоже большой и далеко не абстрактный вопрос. В помощь суждения и утверждения авторитетных и знающих мыслителей. «В нашей Концепции внешней политики официально признается то, что давно было очевидно: Россия – это не просто нация, а цивилизационное государство. Тем не менее многие россияне по-прежнему цепляются за устаревшую западную идентичность, игнорируя урок, который преподавал еще Александр Невский: односторонняя ориентация на Запад не только наивна, но и губительна для нашего суверенитета» [12], – пишут уже упоминаемые нами С. Караганов и П.

Малютин. Они упорно продвигают свои идеи, смысл, содержание и потенциалы которых как рабочего аналитического и политического инструментария оставляют зазор для дальнейшего их анализа и развития. И эти соображения надо рассматривать как живую ткань работы интеллекта, мысли, соображений, доводов и аргументов. Как и препятствие на пути их преобразования в конкретные политические деяния. Присмотримся внимательней с этих позиций к одному и другому концепту.

4. Поиск смыслов и их значений в симбиозе двух концептов. «Долгое государство» (в версии Сергейцева, Куликова, Мостового и Суркова [25]) выступает в роли исторического и политического остова. Это концепция, описывающая уникальную, непоколебимую форму политической организации, которая через все смуты и кризисы обеспечивала и обеспечивает самоидентичность России на протяжении веков. Если пользоваться метафорой, это «скелет» или «остов» российской государственности. Какая экипировка этого «скелета»? Симптоматичным и многообещающим для понимания сакральной сути этого феномена может быть начало анализа, который предлагают указанные три автора. Цитата: «43 года и 7 месяцев правил Иван III Великий... Много. И хорошо, что много. Так же много он успел сделать.. Все последующие русские государи и преемственные программы развития русской государственности, включая и современную нам четвертую, путинскую программу, продолжают линию Русской империи» [23].

Важные и многообещающие слова в цитате: персонифицированное долгое правление; политический деятель успел много сделать. В сухом остатке – преемственность того и другого. В дальнейшем, работая с этим концептом, для чистоты прояснения сути процесса хотя бы теоретически нужно будет дать ответ и на такой вопрос: что успевает сделать политический деятельно – это важно знать и понимать, а что не успевают правители сделать и почему, не менее важный вопрос. Но это потом. Сейчас!

«Государство-цивилизация» (в интерпретации В.В. Путина [6], В. Багдасаряна [3], А. Дугина [10], В. Мединского [19], М. Мчедловой [19а] и др.) предоставляет этому остову культурно-ценностное и духовное наполнение. Это «душа» и «идеология» уникальных смыслов и ценностей ради которых эта машина государства, его атрибуты (царско-президентская власть) существует.

Симбиоз возникает естественно: «долгое государство» отвечает на вопрос «как?» (устроена российская власть), а «государство-цивилизация» — на вопрос «зачем?» (какова ее миссия и уникальность). Они не конкурируют, а дополняют друг друга, создавая двухуровневую нарративную конструкцию. Схематично проявления симбиоза двух концептов в трех сферах науки (политический дискурс политическая философия, историческая наука) и их единство выглядит следующим образом (Таб. 1).

Сфера	Проявление и примеры симбиоза
Политический дискурс	Обе концепции легитимируют власть, опираясь на историю. • 2025-2026 гг. Ключевой момент институционализации: термин «государство-цивилизация» официально закреплен в Стратегии государственной национальной политики до 2036 года. Сергей Караганов прогнозирует историческую развилку, где России предстоит «спасать страну и мир».
Политическая философия	Формируется целостная идеология с разными, но совместимыми акцентами. • Т. Сергейцев, Д. Куликов, П. Мостовой (2020) заложили основы, описав четыре «долгих» государства в своей работе «Идеология русской государственности»[16]. Эта работа ценна тем, что она выводит преемственность от Ивана III к современности не как случайность, а как проектную необходимость. Она дает «интеллектуальное оружие» против тех, кто считает российскую централизацию ошибкой или анахронизмом. • А. Дугин (2026) призывает к миру независимых государств-цивилизаций. • В. Багдасарян (2025) противопоставляет Россию-цивилизацию западному концепту «нации-государства». • М. Мchedлова (2024) предлагает рассматривать историю, культуру и государство как ценностное ядро цивилизационной идентичности.
Историческая наука	История переосмысливается под новые концептуальные рамки. • В. Мединский (2025) как председатель РВИО непосредственно влияет на единые учебники истории. Выходят научные работы, например, монография Багдасаряна «Россия-Запад: цивилизационная война».

Этот симбиоз – не случайность, а ответ на запрос общества на цельную идентичность. Формула «долгое государство как форма существования государства-цивилизации» предлагает сплав исторической преемственности и духовной уникальности, что делает ее крайне привлекательной.

Однако было бы неверно представлять этот симбиоз как полную гармонию. Внутри нарратива существуют серьезные противоречия, которые создают почву для будущих идеологических баталий и вытекающих из них опасностей.

Точки внутреннего напряжения.

1. «Кто мы?»: Русские vs Многонациональный народ. Это главный водораздел. Концепция «долгого государства», особенно в прочтении Ильина и его современных последователей, часто делает акцент на русском народе как «государствообразующем». В то же время официальная доктрина «государства-цивилизации», закрепленная в Стратегии национальной политики, выдвигает на первый план «многонациональный народ» и «общероссийскую гражданскую идентичность». Это создает скрытое, но реальное напряжение между этническим и гражданским пониманием нации.

2. «Куда идем?»: Мобилизация против Развития. «Долгое государство» исторически связано с мобилизационной моделью, выживанием, концентрацией ресурсов для отражения внешних угроз. «Государство-цивилизация» потенциально предлагает и более мирную повестку – развитие образования, науки,

культуры как самоценных сфер. Конфликт заключается в том, какой из этих векторов станет приоритетным.

3. «С кем мы?»: Изоляция против Партнерства. Цивилизационная уникальность может толкать к самоизоляции и жесткому противостоянию с Западом. Однако чрезмерная конфронтация истощает ресурсы и препятствует решению внутренних проблем. Поиск баланса между защитой суверенитета и необходимостью международного взаимодействия — постоянный вызов для этой идеологической системы.

Схема эволюции концепций: от «долгого государства» к «государство-цивилизации» нами представлена в таком виде (Таб. 2).

Измерение	«Долгое государство» (ДГ)	«Государство-цивилизация» (ГЦ)
Главный вопрос	Как сохраняется политическая форма?	В чем уникальность культурного содержания?
Фокус	Институты, властная вертикаль, мобилизация	Ценности, идентичность, традиция
Тип легитимности	Историческая эффективность	Цивилизационная аутентичность
Время	Циклическое (повторение фаз)	Духовно-Телеологическое (раскрытие миссии)
Статус истории	Архив прецедентов для выживания	Священное писание идентичности
Роль государства	Субъект управления и принуждения	Хранитель культурного кода
Главные идеологи	Т. Сергейцев, Д. Куликов, П. Мостовой, С. Караганов (ранний)	В.В. Путин, В. Багдасарян, А. Дугин, В. Мединский, М. Мчедлова

Критическое восприятие этой схемы вызывает более всего к тому, чтобы видеть проблему для дискурса. Понятно же, что риторика «долгого государства» апеллирует к прагматизму элит и технократии, тогда как «государство-цивилизация» требует широкого, активного вовлечения правящей элиты и масс к ответственному отношению быть верными наследниками особого рода цивилизации, формировать и работать над воплощением образа-мечты будущего, основанного на признании величия ценностей веры, духа, подвига. Твердо помнить и знать, что есть две угрозы в процессе идентичности – внутренняя и внешняя. Смена риторики повышает мобилизационный потенциал, если дискурс будет более твердым и гибким: отступление от «цивилизационной миссии» может быть фатальным. России и россиянам следует знать: современные и постмодерные общества (в Европе, на (в) Украине особенно) подвергают сомнению универсальность

идей и практик умеренных вариантов межцивилизационного и межгосударственного конструктивизма.

Заключение. Резюмируя, укажем на признаки плодотворного и ограниченного симбиоза. Симбиоз концепций «долгого государства» и «государства-цивилизации» на сегодняшний день является востребованной, но еще не доминирующей тенденцией в российской политической мысли. И потому актуальной. Этот инструментарий предлагает элитам и обществу целостную, многослойную и исторически обоснованную картину мира, способную легитимировать власть и мобилизовывать ресурсы. Однако потенциал этого симбиоза не безграничен. Его главным ограничителем является внутренняя противоречивость, которая в моменты кризиса может обернуться борьбой за «правильное» толкование. Устойчивость этой конструкции будет зависеть от того, насколько элитам удастся управлять этими противоречиями и предлагать убедительные ответы на ключевые для страны вопросы.

Специального термина «российское долгое государство-цивилизация» в академическом дискурсе действительно не существует. Однако дело не в том, что эту идею никто не заметил, а в том, что она словно «растворена» в более масштабных дискуссиях – о природе российского государства, его исторической преемственности и особом цивилизационном пути.

Мы обсудили проблему смены концептов в российском политическом дискурсе: от «долгого государства» к «государству-цивилизации». Спросили себя, не преувеличиваем ли мы масштаб этой проблемы. Привели доводы за и против. Попытались дать сбалансированный ответ: с одной стороны, признаем, что для большинства населения эти концепты незначимы, но с другой – как не показать, почему для элит, идеологов и аналитиков проблема реальна. Аргументы в пользу такой интерпретации следующие: 1) разница между публичной риторикой и реальной политикой; 2) наличие внутренних противоречий, которые могут проявиться; 3) исторические прецеденты, когда смена идеологических рамок вела к кризисам. Также следует упомянуть, что (например, после 2022 года) концептуальная ясность становится важнее риторики. Полагаем – масштаб проблемы не преувеличен, а сама проблема носит структурный, а не массовый характер. Если коротко, то логику наших утверждений можно было бы описать так: идеи о преемственности государственной власти (близкие к «долгому государству») и о России как обособленной цивилизации присутствуют в научном и политическом поле, но их объединение в один термин – это, скорее, наш самостоятельный аналитический ход, фиксирующий новый тренд.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Агасиева М.Н.** Сохранение традиционных ценностей как приоритетное направление государственной политики // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 2. С. 258-266.

2. **Афонин М.В., Кудрявцев С.А., Кривова А.Л.** Гражданская идентичность и ее укрепление в современной России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. № 1. С. 156-168.
3. **Багдасарян В.Э.** Россия – государство-цивилизация: методологические проекции в репрезентации курса российской истории // Вестник РУДН. Серия. История России. 2026. Т. 25. № 1. С. 138-154.
4. **Бауман Зигмунт.** Глобализация: последствия для человека и общества. Весь Мир. Изд-во Москва. 2004;
5. **Браславский Р.Г., Козловский В.В.** Цивилизационный поворот в социологии: вклад Ш.Н. Эйзенштадта // Социологические исследования. 2023. № 10. С. 116-125.
6. Валдайская речь (2013 г.) // Стенограмма заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». М., 2013 // https://rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html?ysclid=mpfh153dr3728214760&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F.
7. **Гаджиев М.М.** Как миграция создает мусульманские общины в российских полярных городах: вопросы адаптации и складывания новых идентичностей // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 3. С. 559-567.
8. **Денисов Н.Е.** Новые тенденции развития гражданской идентичности в современном российском обществе // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 3 // www.evestnik-mgou.ru.
9. **Дробижева Л.М.** Российская гражданская идентичность в научно-политических дискуссиях и общественном мнении // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. № 4. С. 324-336.
10. **Дугин А.Г.** Ноомахия: войны ума. Цивилизационная идентичность России. М.: Академический проект, 2014-2024 (серия).
11. **Караганов С., Малютин П.** Российская идея-мечта XXI века // <https://karaganov.ru/rossijskaja-ideja-mechta-xxi-veka/?ysclid=mpfh53g89k849348094>.
12. **Караганов С.** Запад утратил свою душу – Россия намерена сохранить свою // <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/comments/the-west-has-lost-its-soul-russia-intends-to-keep-its-own/?ysclid=mpk6p2pxu078595314>.
13. **Карамзин Н.М.** История государства Российского. М.: Изд-во Эксмо, 2005. С. 5.
14. **Каргин Е.А.** Государство-цивилизация как проявление множественных модерностей // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. Т. 14. № 9. С. 2838-2847.
15. **Левченко Н.В., Роговая А.В.** Идентичность: теоретические и методологические проблемы // Социологические исследования. 2025. № 5. С. 161-165.

16. **Летняков Д.Э.** Цивилизации как «воображаемые сообщества»: к конструктивистской критике цивилизационной теории // *Личность. Культура. Общество*. 2021. Т. 23. Вып. 3. С. 57-69.
17. **Малиш М.А.** Исторические аспекты формирования Российской государственности // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2024. № 1. С. 42-47.
18. **Масловский М.В.** Спор о цивилизационном подходе: эссенциализм, конструктивизм и современная историческая социология // <https://www.socis.isras.ru/files/File/2025/5/Maslovsky.pdf>.
19. **Мединский В.Р.** Мифы о России (серия книг). М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008-2014.
20. **Панков А.В.** Актуальные концепты и направления современных отечественных теоретико-методологических дискуссий, репрезентирующие цивилизационно-элитологический подход: «козволюционное развитие» и «евразийство» // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2024. Т. 14. № 7. С. 2176-2163.
21. **Попадюк А.Э.** Проблема цивилизационной самоидентификации в России // *Вопросы политологии*. 2025. № 6. С. 1982-1990.
22. **Ребров А.И.** Влияние локальной идентичности на эффективность политической мобилизации (Часть первая) // *Евразийский Союз: вопросы международных отношений*. 2024. № 4. С. 760-767.
23. **Сергейцев Т., Куликов Д., Мостовой П.** Идеология российской государственности. Континент Россия. СПб.: Питер. С. 51.
24. **Слизовский Д.Е.** Политическое лидерство Руси-России: истоки и противоречия GRAND STRATEGY (БОЛЬШОЙ СТРАТЕГИИ) Монография. М.: Издательство журнала «Вопросы политологии», 2017. С. 6.
25. **Сурков В.** Владислав Сурков: Долгое государство Путина. О том, что здесь вообще происходит // https://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html?ysclid=mpfgx1jtgs26478474.
26. **Медведев Н.П.** Вопросы формирования российской идентичности в новейших исследованиях // *Вопросы политологии*. Том. 16. № 1 (125). 2026. С. 374-379.
27. **Тарасенко Е.Н., Ажигалиева М.М., Рудченко В.В.** Медиа репрезентация мигрантов как «угрозы национальной идентичности» в образовательной и трудовой сферах // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2025. Том 15. № 1. С. 137-146.
28. **Титов В.В.** Проблема формирования общероссийской гражданской идентичности российской молодежи в условиях новых политических вызовов 2020-х гг. // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2024. № 5. С. 1554-1562.
29. **Титов В.В.** Российская идентичность: стратегические вызовы середины 2020-х годов // *Вопросы политологии*. 2025. № 9. С. 3449-3457.

30. **Титов В.В.** Эволюция государственной политики идентичности в России в 1990-х – начале 2020-х гг. // Вопросы политологии. 2024. № 4. С. 1249-1257.
31. **Трубицын Д.В.** Российская идентичность как проблема исторической динамики // Социологические исследования. 2025. № 1. С. 96-112. DOI 10.7868/S3034601025010093.
32. **Федоров Д.В.** К вопросу об идентичности в современной России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 5. С. 1563-1568.
33. **Халиулина А.И., Сафин Ф.Ф., Шилкин Д.А.** Патриотизм как фактор формирования российской идентичности (по данным этносоциологических опросов в Башкортостане) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. № 12. DOI 10.35775/PSI.2023.105.12.027.
34. **Шишкин С.А.** Стихотворение «Наше прошлое с нами...» // <https://stihi.ru/2007/04/06-1300?ysclid=mpamfzfkqu757490619>.
35. **Щербakov И.М.** К вопросу об особенностях применения цивилизационного подхода к исследованию внешней политики современных государств: обзор отечественных и зарубежных исследований // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. Том 15. № 6. С. 1244-1253.
36. **Hale H., Laruelle M.** A New Wave of Research on Civilizational Politics // Nationalities Papers. 2021. No. 49 (4). P. 597-608.
37. **Huntington Samuel P.** Who Are We? The Challenges to America's National Identity // https://www.webcitation.org/67Gqw0x1e?url=http://www.claremont.org/publications/crb/id.846/article_detail.asp.
38. **Inozemtsev Vladislav.** European Russia: The Unobvious Imperative of the 21st Century // <https://case-center.org/wp-content/uploads/2025/05/case-9-250612-1250-en.pdf>.
39. **Knott Eleanor.** The Securitised 'Others' of Russian Nationalism in Ukraine and Russia // https://www.researchgate.net/publication/373779531_The_Securitised_'Others'_of_Russian_Nationalism_in_Ukraine_and_Russia.
40. **Laruelle Marlene.** Ideology and Meaning-Making under the Putin Regime // <https://www.sup.org/books/politics/ideology-and-meaning-making-under-putin-regime/excerpt/introduction>.
41. **Sharafutdinova Gulnaz.** The Red Mirror: Putin's Leadership and Russia's Insecure Identity. Oxford: Oxford University Press, 2020.
42. **Therborn G.** States, Nations and Civilizations // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences. 2021. No. 14 (2). P. 225-242.

D.E. SLIZOVSKIY

Doctor of Historical Sciences,
Professor at the Russian University of Peoples' Friendship
named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia

IDENTITY FOR RUSSIA AND RUSSIANS: A NEW CONCEPTUAL SOLUTION TO THE PROBLEM

In this article, we discuss the issues and problems, the content and meanings of the transition from the concept (a) of the «long state» to the concept (b) of «Russia as a state-civilization.» We propose a version of what this intellectual and polemical marathon is «breathing» and what it may result in in the near and medium term. Based on the results of the study, the question of the admissibility of the term «Russia as a long-lasting state-civilization» in political discourse has been raised. Although there is no established term in public discourse or academic literature, the logic of the symbiosis of these two concepts that we are discussing suggests that such a term may emerge. The analysis includes a critical review of artificial intelligence (AI) data and reviews of relevant articles published in academic journals in Russia and abroad. The shift in emphasis from the concept of the «long state» to the concept of «Russia as a state-civilization» is described and analyzed not as a simple terminological update, but as a fundamental shift in the system of identification that has allowed for the actualization and legitimization of different types of identities that are hostile to each other, even those that have emerged from the same source. It has been shown that modern and postmodern societies question the universality of the ideas and practices of moderate variants of intercivilizational and interstate constructivism. The historical legacy of a long state or a state-civilization, let alone a «long state-civilization,» as a dynamically stable system that has defended and continues to defend its right to sovereignty and identity, should not be considered an insignificant factor in modern identity. In conclusion, the article presents a schematic path of polemics and discussions from the description of a political form to its value content and back to a new integrity.

Key words: Identity, modern societies, concepts, long state, civilization state, Eurasian civilization state.